

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Чехов и Горький

Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997.
-- (Русский путь).
OCR Бычков М. Н.

I

Если бы теперь, когда для России наступает страшный суд истории, русская интеллигенция пожелала узнать, с чем она пойдет на этот суд, то могла бы сделать это лучше всего по произведениям Чехова и Горького.

Как бы мы ни судили о сравнительной величине обоих писателей, несомненно одно: они заслонили от нас двух последних великанов русской литературы, Л. Толстого и Достоевского. Ибо нечего греха таить: великаны эти оказались нам не по плечу.

Чехов и Горький русской интеллигенции как раз по плечу. Они ее духовные вожди и учителя, "властители дум" современного поколения русской интеллигенции.

По Л. Толстому и Достоевскому можно судить не столько о современной действительности, сколько о более или менее далеких возможностях русского духа, не о том, что есть, а о том, что будет и, может быть, еще не скоро будет в России. По Чехову и Горькому можно судить о том, что сейчас есть или сейчас будет. Л. Толстой и Достоевский -- выразители глубочайшей народной стихии и высочайшего культурного сознания России. Чехов и Горький выразители не столько народной, сколько сословной, не столько культурной, сколько интеллигентной середины русского среднего сословия, самого многочисленного и Деятельного, которому в настоящее время предстоит "делать историю" и за то, что будет сделано, дать ответ на страшном суде истории.

Если бы среднего русского интеллигента спросить, за что он любит Чехова и Горького, не за то ли, что они учат верить в торжество прогресса, науки, человеческого разума, -- всего того, что называется "гуманными идеями", -- то интеллигент ответил бы, что это именно так; и если бы возразить ему, что Чехов и Горький, хотя действительно учат верить других и сами стараются верить во все это, но уже почти не верят, и что подлинное творчество их направлено к тому, чтобы показать невозможность этой веры и душевное состояние людей, утративших возможность какой бы то ни было веры, -- то интеллигент счел бы такое утверждение не только величайшей нелепостью, но и величайшим оскорблением славы живого и памяти почившего писателя, -- наконец, оскорблением его самого, интеллигента, в главной святыне своей, ибо вера, именно вера в "гуманные идеи" есть донныне главная и единственная святыня его. Но для тех, кто не останавливается на общедоступной внешности литературных явлений, кто умеет слышать не только то, что писатели говорят, но и то, о чем они молчат, -- для тех несомненно, что с этою верою у Чехова и Горького не все обстоит так благополучно, как кажется, и что, сами того не желая, может быть, даже не сознавая, оба эти писателя только то и делают, что подкапывают и разрушают все верования, все идеалы или идолы русской интеллигенции. Нельзя, впрочем, слишком строго судить читателя за то, что он проглядел разрушительную сторону в творчестве Чехова и Горького: они умеют молчать и скрывать свое последнее безверье не только от других, но и от самих себя; лишь изредка, когда это молчанье становится похожим на подвиг того спартанского мальчика, который прятал под платьем лисицу, пожиравшую ему внутренности, -- они говорят и даже кричат так, что нельзя не услышать имеющим уши, чтобы слышать.

"Я напишу одну маленькую книгу. Я назову ее -- Отходная: есть такая молитва, ее читают над умирающими. И это общество, проклятое проклятием внутреннего бессилия, перед тем, издохнуть ему, примет мою книгу, как мускус".

Иногда кажется, что эти страшные слова одного из своих героев Горький мог бы сказать от себя, а за Горьким и Чехов, что оба они в один голос пропели отходную не глубочайшей народу ной стихии и высшему культурному сознанию России, а той интеллигентной середины, или посредственности, которая увидела в них своих пророков и учителей, что они "дали мускус умирающему", и то, что он принял в них за новую жизнь, за воскресение свое, -- было лишь мгновенным возбуждением предсмертного мускуса.

Но прежде чем говорить о содержании, надо сказать два слова о художественной форме обоих писателей.

О Горьком как о художнике именно больше двух слов говорить не стоит. Правда о босяке,